

ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

«Нет больше человека имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума»: сохранение памяти об умерших ученых в Петербургской академии наук в XVIII в.

УДК: 001.32+82-94«17»; 929

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-30-49

В статье рассматривается процесс институционализации памяти об умерших ученых в Петербургской академии наук на протяжении XVIII в. Особое внимание уделяется ключевым эпизодам: первой попытке чествования М.В. Ломоносова в 1765 г. (речь Н.Г. Леклерка при участии Я.Я. Штелина) и образцовым торжествам в память Л. Эйлера в 1783–1785 гг. (похвальная речь Н.И. Фуса, публикация, установка бюста). Автор обосновывает тезис о появлении жанра научного некролога в России уже в 1780-х гг. в разделе «Morts» издания «Nova Acta», где конференц-секретарь И.А. Эйлер разработал определенную структуру подобных текстов. В приложении публикуются некрологи, посвященные памяти академиков Г.Ф. Миллера и Я.Я. фон Штелина.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, историческая память, похвальное слово, некролог, М.В. Ломоносов, Л. Эйлер, Е.Р. Дашкова, Я.Я. Штелин, наука XVIII в.

Сохранение памяти о скончавшихся коллегах — одна из самых устойчивых и по-своему благородных практик научного сообщества. Похвальное слово, произнесенное после смерти ученого, и некролог дают не только биографические сведения, но и важную для историка науки оптику: как именно современники понимали заслуги человека, какое место отводили ему в дисциплине и в корпоративной иерархии. Показательно, что оценка может быть выражена не прямыми характеристиками, а самим фактом публичного внимания — публикацией известия о смерти, организацией памятного заседания, выбором говорящего и тоном выступления. Такие некрологи и похвальные слова фиксируют «правильный» образ ушедшего и тем

самым включают механизмы академической памяти: кого и за что будут помнить, а чье имя со временем растворится в молчании.

Похвальное слово

В XVIII столетии во многих европейских академиях и научных обществах было принято отмечать кончину своего коллеги похвальным словом. Такую традицию во Французской академии ввел французский писатель и ученый, секретарь академии Б.Л.Б. де Фонтенель (1657–1757). После смерти каждого академика он произносил в собрании о нем *Éloge*, похвальное слово. Известно, что он составил около 70 похвальных речей¹. Среди них особо отмечают академические речи, посвященные Лейбницу и Ньютоу [Копелевич, 1974, с. 114]. Следует отметить еще одно выступление Фонтенеля. 14 ноября 1725 г. он произнес похвальное слово Петру I, скончавшемуся в начале года², и это была дань уважения не великому правителю России, а члену Французской академии. После кончины Фонтенеля этот обычай продолжил французский философ и математик М.Ж.А.Н. Кондорсе (1743–1794). Он написал и произнес около 50 речей в честь скончавшихся членов Парижской академии [Суворов, 2001, с. 2]. В Берлинской академии подобный ритуал появился в конце 40-х гг. XVIII в., когда неперменным секретарем академии был избран немецкий писатель и философ И.Г.С. Формей (1711–1797), исполнявший эти обязанности сорок лет. За это время он сочинил и произнес более 55 похвальных речей об ушедших из жизни коллегах по академии [Harnack, 1900, S. 304–310]. Потом эти речи в полном виде печатались в изданиях, выпускаемых европейскими академиями.

Насколько известно из протоколов заседаний Академической конференции, в Петербургской академии подобных заседаний в этот период не проводилось³.

Первое «Похвальное слово» в Петербургской академии наук прозвучало в честь академика Михаила Васильевич Ломоносова (1711–1765). Ученый скончался 4 апреля 1765 г. в Санкт-Петербурге в собственном доме на набережной р. Мойки между Большой Морской и Почтовой улицами и был похоронен 8 апреля на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря.

Когда скончался М.В. Ломоносов, академик Я.Я. Штелин, незадолго до этого назначенный конференц-секретарем Академии⁴, выразил желание выступить с речью, посвященной памяти ученого. Он составил «Конспект» речи на латинском языке, предназначенной для такого выступления в Академической конференции⁵. При этом он считал, что организация подобных заседаний должна входить в обя-

¹ Похвальные слова Фонтенеля см. на сайте Французской академии. Режим доступа: https://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/Font_eloque.htm (дата обращения: 19.01.2026).

² Перевод похвального слова выполнен С.А. Мезиным. См.: [Мезин, 2015, с. 261–276].

³ См.: Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000.

⁴ Я.Я. Штелин исполнял обязанности конференц- секретаря с 7 марта 1765 по 22 февраля 1769 г.

⁵ М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников: сборник / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 24–26.

занности конференц-секретаря Академии, и полагал, что эта традиция должна быть воспринята и в Петербургской академии наук. Однако выступление Штелина с похвальной речью по случаю кончины Ломоносова не состоялось.

Но нововведения в Петербургской академии XVIII в. проходили поначалу с трудом и не встречали понимания. В составе Академической канцелярии после смерти Ломоносова остался только И.И. Тауберт, и он, видимо, побоялся самостоятельно принять такое важное решение, как организация памятного заседания. Такое решение необходимо было согласовать с президентом Академии графом К.Г. Разумовским, который в это время находился на Украине и отошел от академических дел, но числился на должности.

Столкнувшись с непониманием своей позиции в академических кругах, Штелин не отказался от самой идеи, но предложил другой вариант ее реализации: с похвальным словом Ломоносову должен был выступить другой человек.

15 апреля 1765 г. с похвальным словом Ломоносову, и не только ему, выступил ученый, личный врач гетмана Малороссии и президента Петербургской академии наук графа К.Г. Разумовского Николая Габриель Леклерк (1726–1798) — один из самых влиятельных и, во всяком случае, самых заметных французов среди тех, что служили в России в XVIII в. Леклерк произнес речь на французском языке по случаю того, что он был провозглашен почетным членом Петербургской академии наук [*Лекарский*, 1867; *Сомов*, 1983]. В протоколе заседания в этот день записано, что Николай Габриэль Клерк (Леклерк) произнес речь, в которой, «оплакивая кончину Ломоносова, восславил бессмертное имя Петра Великого и воздал хвалу нашей несравненной императрице»⁶.

11 апреля 1765 г. на заседании Конференции Академии наук Леклерк был принят в почетные члены Петербургской академии⁷. До выступления Леклерка почетные члены не произносили речей и не выступали с докладами на академических заседаниях. Идея о выступлении вновь избранного почетного члена была, безусловно, высказана Штелиным как конференц-секретарем Академии; также он принимал участие в подготовке речи Леклерка. Это подтверждает имевшая место в апреле 1765 г. переписка Штелина с Леклерком, ныне хранящаяся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде Штелина⁸.

В заседании Конференции 15 апреля 1765 г. (прошло чуть более десяти дней после кончины М.В. Ломоносова) участвовали семь человек: академики Я.Я. Штелин, И.Э. Фишер, И.А. Браун, С.К. Котельников, А.Л. Шлецер, А.П. Протасов и советник Канцелярии И.И. Тауберт. Все они работали вместе с Ломоносовым не один год. Одни сохранили о нем теплые и дружеские воспоминания, другие — не очень. Свое выступление Леклерк начал с благодарности за оказанную ему честь — возможность занять место в «святилище муз» и за избрание его почетным членом Академии. Далее он обращается к памяти Ломоносова: «Нет больше человека, имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума, обширного и ясного ге-

⁶ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 2. СПб.: ИАН, 1899. С. 536.

⁷ Там же. С. 535.

⁸ Эта переписка опубликована: *Смагина Г.И., Сомов В.А.* Примите, дорогой друг, мою искреннюю благодарность»: Письма Николая Габриэля Леклерка из личного архива Якоба Штелина. 1765–1775 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 181–189.

ния, объявшего и осветившего многие жанры одновременно» [Пекарский, 1867, с. 179]. Леклерк особенно ценит Ломоносова как автора «Петриады» — так называли современники его героическую поэму «Петр Великий». Он отметил большие успехи и заслуги Ломоносова в науке и литературе: «...его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные. Слава тогда говорит всего громче, когда человек лишен возможности слышать ее». Затем Леклерк переходит к восхвалению Петра — этому посвящена большая часть речи — и восхвалению «чудес» екатерининского царствования (подробнее об этом см.: [Сомов, 1983, с. 100–101]). Несмотря на старания Штелина речь Леклерка не была напечатана.

Так или иначе, но 15 апреля 1765 г. почетный член Петербургской академии наук Николая Габриэль Леклерк (Клерк) на французском языке восхищался жизнью и творчеством великого Ломоносова. Это было единственное выступление, посвященное памяти Ломоносова, в Академии наук, в которой он прослужил 25 лет.

Второй пример отмечать кончину своего коллеги похвальным словом имел место в Петербургской академии наук только в 80-х гг. XVIII в. 7 сентября 1783 г. не стало великого математика Леонарда Эйлера (1707–1783).

Ближайший ученик и помощник Л. Эйлера академик-математик Н.И. Фус подготовил Похвальную речь своему учителю. Николай Иванович Фус (1755–1826), приглашенный в 1773 г. из Базеля в помощь Эйлеру, был женат на его внучке (дочери И.А. Эйлера) Альбертине, в течение десяти лет жил в его доме и помог ему подготовить к публикации около 300 статей. 13 октября 1783 г. он сообщил, что закончил составление Похвальной речи, готов прочесть ее, и просил директора Академии княгиню Е.Р. Дашкову определить день заседания. Дашкова назначила заседание на 23 октября, когда оно и состоялось⁹.

На заседании, посвященном памяти Леонарда Эйлера, председательствовала сама княгиня. Присутствовали все 14 академиков, которые находились в Петербурге, два адъюнкта, почетные члены Академии: граф А.С. Строганов, барон Г.Ф. Аш и лейб-медик И.Д.С. Роджерсон, а также архиепископ Могилевский Георгий (Конисский), друзья покойного и члены его семьи. После краткого вступительного слова, в котором княгиня выразила сожаление по поводу кончины великого Эйлера, Фус прочитал на принятом в то время в Академии французском языке Похвальную речь. В ней он впервые предпринял попытку показать вклад Эйлера в мировую науку: «Таковы суть труды, Эйлером поднятые, таковы подвиги, незабвенной памяти достойные. Потомки совокупят имя его с именами великих мужей Галилея, Лейбница, Невтона и всех, кои разумом своим сделали честь роду человеческому, имя его пребудет в памяти, когда имена толь многих погребены будут в вечности забвения, кои мимо текущую славою обязаны суетности нашего века¹⁰. Речь Фуса была единодушно одобрена собранием. В том же году она была напечатана отдельной брошюрой¹¹. Через несколько лет академик С.Я. Румовский объявил, что «в знак признательности своему прежнему почитаемому учителю он сам берет на себя

⁹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 2. С. 708.

¹⁰ Фус Н. Похвальная речь покойному Леонарду Эйлеру // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 375.

¹¹ Fuz N. Éloge de monsieur Léonard Euler, lu a l'Académie Impériale des sciences, dans son assemblé du 23 octobre 1783. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1783. 127 p.

труд перевести эту Похвальную речь на русский язык¹². Перевод Румовского был опубликован в 1801 г. в «Академических сочинениях»¹³.

Скульптор Жан Доминик Рашетт (1744–1809), близко знавший покойного, выполнил мраморный бюст Эйлера, который, по отзывам современников, имел большое сходство с великим ученым. Княгиня Дашкова подарила для зала академического собрания колонну итальянского мрамора, на которую в торжественной обстановке 14 января 1785 г. установила бюст. После этого акта княгиня Дашкова сказала: «Академия может гордиться тем, что имела в своем составе столь великого ученого, и для меня является честью и удовлетворением установить в вашем присутствии изображение славного своими заслугами ученого к вящему украшению этого зала»¹⁴. Далее в протоколе, который вел И.А. Эйлер, отмечено: «Этот бюст, красота и совершенное сходство которого делает честь резцу и гению художника, был исполнен на средства господ академиков и адъюнктов, а ее сиятельство — их славный шеф, сверх того, способствовала созданию великолепной колонны, которая ему служит пьедесталом»¹⁵.

Начинания Академии наук по увековечению памяти Л. Эйлера стали известны в Европе и приветствовались учеными. Любопытно привести высказывание о печальных торжествах в Петербурге математика, политического деятеля Франции, иностранного почетного члена Петербургской академии Кондорсе: «Итак, народ, который мы в начале этого века принимали за варваров, в настоящем случае подает пример цивилизованной Европе — как чествовать великих людей при жизни и уважать их память по смерти; и другим нациям приходится в данном случае краснеть, что они не только в этом отношении не могли предупредить Россию, но даже не в силах ей подражать»¹⁶.

Некрологи

Еще одной формой сохранения памяти об умерших ученых являются некрологи. В исторической литературе принято считать, что некрологи в Российской империи появились в начале XIX в. [Калугин, 2015, с. 198; Оникко, 2018, с. 83–87; Петровская, 1982, с. 223–226; Рейтблат, 2014, с. 195–202]. Первыми из них называют некролог Н.М. Карамзина, посвященный писателю И.Ф. Богдановичу (1743–1803) и опубликованный в нескольких номерах «Вестника Европы» за 1803 г.¹⁷, а также

¹² Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 4. СПб.: ИАН, 1911. С. 755

¹³ Фус Н. Похвальная речь покойному Леонарду Эйлеру // Академические сочинения. 1801. Ч. 1. С. 97–167; перепечатано: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука: Сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 353–382.

¹⁴ Протоколы заседаний Конференции... Т. 2. С. 792.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цит. по: [Чернов, 1935, с. 238].

¹⁷ Карамзин Н.М. О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 3. С. 227–228; Ч. 9. № 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111.

прозаический отрывок внутри стихотворения И.М. Борна «На смерть Радищева (1749–1802)» в альманахе «Свиток муз», вышедшем в том же году¹⁸.

Однако до сих пор исследователи обходили стороной некрологи, появившиеся еще в XVIII в. и посвященные ученым — прежде всего членам Петербургской академии наук. Первые такие тексты стали публиковаться в академических изданиях уже в 80-х гг. XVIII в.

В январе 1783 г. директором Петербургской академии наук была назначена княгиня Е.Р. Дашкова [Смагина, 2006, с. 12]. С этого времени главный журнал Академии стал выходить под названием “Nova Acta”. Новое издание сохранило структуру своего предшественника, включавшую историческую часть с ежегодным отчетом о деятельности Академии, однако в нем появился и совершенно новый раздел — “Morts”¹⁹. Исторический раздел печатался на французском языке, весьма распространенном в то время, тогда как научные статьи академиков (так называемые мемуары) могли публиковаться по желанию автора как на французском, так и на латыни.

В разделе “Morts” печатались некрологи и извещения о смерти вместе с краткой биографией об умершем человеке. В томе I “Nova acta” за 1783 г. этот раздел открывался сообщением о кончине великого Эйлера: «Помимо смерти знаменитого Леонарда Эйлера, о которой только что была прочитана похвальная речь²⁰, Академия в течение года понесла еще несколько значительных утрат, о которых мы намерены сообщить». В исторической части этого тома было опубликовано Похвальное слово Эйлеру, составленное Н.И. Фуссом на французском языке²¹.

В томе I также напечатан и первый некролог, посвященный выдающемуся ученому, просветителю, путешественнику, академику Петербургской академии Герарду Фридриху Миллеру (1705–1783). Двадцатилетним юношей он приехал в Россию, которая стала для него второй родиной, и около 60 лет беззаветно прослужил ей (приложение 1). В третьем томе “Nova Acta” за 1785 г. был опубликован некролог памяти академика Петербургской академии наук, выдающегося знатока искусств Якоба Яковлевича фон Штелина (1709–1785), воспитателя великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III. Молодым человеком он прибыл в Петербург в Академию наук и прослужил в ней пять десятилетий (приложение 2). Эти некрологи открывают серию мемориальных текстов, посвященных скончавшимся ученым Петербургской академии, в связи с чем они выносятся в приложение.

Эти некрологи, как и ряд других, публиковались анонимно, но с определенной уверенностью можно утверждать, что они написаны конференц-секретарем Петербургской академии, физиком и математиком, старшим сыном великого Эйлера — Иоанном Альбрехтом Эйлером (1743–1800). В круг обязанностей конференц-секретаря входили подготовка научных трудов Академии к изданию и составление обзора о ее деятельности для Исторического раздела.

И.А. Эйлер, будучи конференц-секретарем и ведя активную переписку с европейскими учеными, в разделе “Morts” также начал публиковать сообщения о кон-

¹⁸ Борн И.М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1803. Кн. 2. С. 136.

¹⁹ «Умершие» (фр.).

²⁰ Речь идет о заседании 23 октября 1783 г. См. выше.

²¹ Fuss N. Éloge de monsieur Léonard Euler // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 159–213.

чинах иностранных почетных членов Петербургской академии. Эти тексты, как и некрологи, обладали четкой структурой. Вероятно, математический склад ума автора способствовал выработке определенного стиля и логики изложения, что особенно важно ввиду зарождения жанра в России. Типовая структура была следующей: в начале указывались имя и фамилия ученого, затем его род занятий и должность. Центральное место отводилось перечислению академий и научных обществ, членом которых являлся покойный. В заключении освещались его научные достижения и личностные черты. Вместе с тем следует отметить, что И.А. Эйлер не всегда строго следовал выработанной им же самим схеме.

В качестве примера приведем некролог, посвященный французскому ученому-энциклопедисту Ж.Л. Д'Аламберу (1717–1783):

«Жан Лерон Д'Аламбер — непременный секретарь Французской академии, пенсионер (*pensionnaire ordinaire*) Парижской Королевской академии наук, член Лондонского королевского общества, Прусской и Шведской королевских академий наук и литературы, Болонского института, а также научных обществ Турина и Норвегии. Родился в Париже 17 ноября 1717 года.

Он был избран иностранным членом Петербургской академии 8 мая 1764 года и скончался в Париже 18 октября 1783 года.

Д'Аламбер, без сомнения, принадлежал к числу выдающихся математиков своего времени. Его *Трактат о динамике* стал одним из важнейших трудов в науке о движении тел. Решение, предложенное им для объяснения предварения равноденствий, равно как и его исследования по сопротивлению жидкостей и причинам возникновения ветров, представляют собой подлинные шедевры изощренной математики»²².

Некрологи представляют собой ценный источник для последующих биографических исследований. Показателен в этом отношении текст, посвященный известному врачу XVIII в., уроженцу Португалии Антониу Рибейру Санчесу (Саншесу) (1699–1783):

«Он прибыл Россию в 1731 г., и занимал там последовательно многие видные посты вплоть до 1747 г., когда уехал в Париж. Академия в Петербурге приняла его после отъезда 12 сентября того же года в число иностранных почетных членов и выделила ему пенсию, которой он пользовался до своей кончины, свидетельствуя живейшую признательность, и поддерживал, несмотря на присущие его возрасту недуги, регулярную переписку с Академией, сообщая ей все, что ему казалось интересным для науки. Он отдал свою дань природе 3 октября 1783 г. Лишь немногие из ученых пользовались столь большим почтением как он, но что польстило этому уважаемому старцу больше всего, и что его действительно растрогало, это милостивейшее обхождение, с которым Его Императорское Высочество, Государь Великий князь принял его, когда находился в Париже в 1782 г., под именем Графа Северного»²³.

В тексте некролога немецко-французского медика, химика и ботаника, профессора Страсбургского университета Я.Р. Шпильмана (1722–1783) присутствует

²² Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus I. Petropoli, 1787. P. 217–218.

²³ Под именем графов Северных по Европе путешествовали будущий император Павел I и его супруга Мария Федоровна.

характеристика его личных качеств: «Будучи столь же доброжелательным в сердце, сколь и уважаемым в своих знаниях, он был искренне любим своими учениками, некоторые из которых стали членами нашей Академии; с ними он поддерживал переписку до самой смерти, и они искренне скорбели о его кончине»²⁴.

* * *

Формирование традиции сохранения памяти об ученых в Петербургской академии наук XVIII в. представляло собой сложный процесс, который проходил медленнее относительно общеевропейской практики. Несмотря на отсутствие в первой половине столетия регулярных памятных заседаний, характерных для академий Парижа и Берлина, во второй половине века в России сложились две основные формы сохранения памяти об ученых: публичные похвальные речи и академические некрологи.

Инициатором внедрения традиции похвального слова выступил конференц-секретарь Я.Я. Штелин, однако первая попытка почтить память М.В. Ломоносова в 1765 г. реализовалась в компромиссной форме — через выступление почетного члена Н.Г. Леклерка. Подлинное становление ритуала приходится на 1780-е гг. и связано с деятельностью директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой. Памятные мероприятия в честь Л. Эйлера (торжественное заседание с речью Н.И. Фуса, публикация текста, установка бюста) стали эталоном чествования ученого.

Параллельно с этим при княгине Е.Р. Дашковой и конференц-секретаре И.А. Эйлере начала складываться традиция публикации некрологов. Введение специального раздела “Morts” в академическом издании “Nova Acta” способствовало появлению и развитию жанра научного некролога в России в последней четверти XVIII в.

Таким образом, к концу XVIII столетия в Петербургской академии наук сложилась традиция сохранять память об умерших ученых, о тех, чьи имена, по выражению современников, «составят эпоху в анналах человеческого разума».

²⁴ Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 214–215.

Приложение 1

<Г.Ф. Миллер>²⁵

Герард Фридрих Миллер, действительный статский советник Императорского архива в Москве и Российский историограф; кавалер ордена Св. Владимира третьей степени, член Королевской Академии наук в Стокгольме, Королевского научного общества в Лондоне, Экономического общества в Санкт-Петербурге и многих других ученых обществ, корреспондент Королевской Академии наук в Париже; родился 18 октября 1705 г. в Херфорде в Вестфалии.

Он прибыл 5 ноября 1725 г. в Санкт-Петербург, куда был призван как адъюнкт зарождающейся Академии. Он был свидетелем ее инаугурации, имевшей место 27 декабря того же года²⁶, и пережил всех тех, кто вместе с ним присутствовал на этом торжестве. Его первым делом было преподавание истории и географии ученикам Академии; затем он был причислен к Императорской библиотеке в качестве унтер-библиотекаря и был занят печатанием двух первых томов Комментариев,²⁷ а также редактированием «Санкт-Петербургских ведомостей» вплоть до июля 1730 г.²⁸, когда он был назначен ординарным академиком и профессором истории²⁹. В то же время он добился разрешения на путешествие по Германии, Голландии и Англии, причем Академия возложила на него разные поручения³⁰. Он вернулся в Санкт-Петербург 2 августа 1731 г. и читал публичные лекции до 1733 г. Затем он был зачислен в прославленную Камчатскую экспедицию³¹, но добрался только до Якутска, откуда, после десятилетнего отсутствия, вернулся в Санкт-Петербург вместе с господином Гмелином³². В 1747 г. Господин Миллер был назначен Российским историографом и ректором Санкт-Петербургского университета, который тогда относился к Академии³³; в 1754 г. он стал конференц-секретарем Академии, а в 1765 г.

²⁵ Здесь и далее перевод с французского осуществлен В.А. Сомовым, за что выражаю ему сердечную благодарность.

²⁶ 27 декабря 1725 г. состоялось первое публичное собрание Академии наук.

²⁷ *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Комментарии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук), первое научное периодическое издание Академии наук, выходило на латинском языке в 1728–1751 гг., было издано 14 больших томов. Это издание в XVIII в. трижды меняло свое название. Миллер участвовал в подготовке и издании первых двух томов.

²⁸ Редактировал «Санкт-Петербургские ведомости» на немецком и русском языках и «Примечания» к Ведомостям в 1728–1730 гг.

²⁹ Звание академика по истории в Петербургской академии получил в июле 1730 г.

³⁰ 16 июля 1730 г. уезжает в Германию для улаживания личных дел (смерть отца, Томаса Миллера); в то же время ему поручается ведение переговоров в Англии, Голландии и Германии от имени Академии (это была первая заграничная командировка петербургского академика).

³¹ Камчатская экспедиция, или Великая Северная экспедиция; Миллер руководил одним из академических отрядов в 1733–1743 гг.

³² Иоганн Георг Гмелин (*Gmelin Johann Georg*, 1709–1755), естествоиспытатель, медик, ботаник, этнограф, путешественник; адъюнкт по химии и естественной истории в Академии наук с 1727 г., профессор в 1731–1748 гг.

³³ Обязанности ректора Академического университета исполнял с 10 ноября 1747 по 18 июня 1750 г.

главным надзирателем Воспитательного дома в Москве, где он обосновался и где, наконец, был принят в Императорский архив. С этого момента он оставался причисленным к Коллегии иностранных дел³⁴ и продвинулся там до чина действительного статского советника, все время сохраняя за собой выплату жалованья ординарного академика. Ее Величество, наша всемилостивейшая Императрица, почтила его своим особым благоволением и наградила орденом Св. Владимира третьей степени с лентой³⁵ сразу после его учреждения; он пользовался этим лишь недолго и умер, к всеобщему сожалению, 4 октября 1783 г.

Господин Миллер стал первым, кто указал на достоверные и добротные источники по русской истории. Собрание его трудов, опубликованных на немецком языке³⁶, и его «Ежемесячные сочинения»³⁷ снискали ему признание всех историков, как иностранных, так и местных. Он также намеревался написать полную историю Сибири, первый том которой действительно появился³⁸, но другие занятия помешали ему продолжить ее. Трудясь без устали, он постоянно собирал материалы, и у него не оставалось времени описывать их в соответствии с последовательным планом. Из-за этого случилось так, что после него, кроме вышеупомянутых сочинений, остались только разрозненные вещи, разбросанные по различным периодическим изданиям; среди них его изыскания о древних обитателях России, включенные в Исторический магазин³⁹ господина Бюшинга⁴⁰ и напечатанные по-русски в 1773 г., которые считаются его главным трудом⁴¹. Он добросовестно рассмотрел еще многие другие исторические сюжеты, но они не были предназначены для публики. Кроме того, он обогатил «Географический словарь России», напечатанный в Москве в 1773 г.,⁴² множеством интересных статей, а среди его бумаг находятся еще многие дополнения и исправления, которые были предназначены для второго издания.

Перевод выполнен по:

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.

Tomus I. Petropoli, 1788. P. 215–217.

³⁴ В Московский архив Коллегии иностранных дел был назначен 27 марта 1766 г.; трудился здесь до конца своих дней.

³⁵ Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 22 сентября 1783 г.

³⁶ Для издания своих сочинений по российской истории, Миллер основал журнал на немецком языке “Sammlung russischer Geschichte” (SPb., 1732–1764. Bd. 1–9).

³⁷ Миллер основал журнал «Ежемесячные сочинения», которые издавались с 1755 по январь 1764 г., и был его главным редактором. Всего вышло 120 номеров.

³⁸ Книга Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел...» (СПб.: При ИАН, 1750. Кн. 1; 2-е изд. — 1787).

³⁹ Речь идет об издании А.Ф. Бюшинга “Magazin für die neue Historie und Geographie”, весьма популярного в Европе и России. За 1767–1788 гг. вышло 22 части.

⁴⁰ Антон Фридрих Бюшинг (Büsching Anton Friedrich, 1724–1793), немецкий географ, историк, педагог, издатель, с 1760 по 1765 г. пастор при церкви Св. Петра в Петербурге, старший советник Берлинской консистории.

⁴¹ Речь идет о книге Миллера «О народах издревле в России обитавших» (СПб.: При ИАН, 1773; 2-е изд. — 1788).

⁴² Подготовил и издал вместе с Ф.А. Полуниным «Географический лексикон Российского государства...» (М., 1773) с посвящением Екатерине II.

Приложение 2

Краткое жизнеописание господина фон Штелина

Якоб фон Штелин, действительный статский советник, директор Художественного департамента Императорской Академии наук и непременный секретарь петербургского Вольного экономического общества, член Королевской академии истории в Мадриде, Лондонского королевского общества и Лондонского общества антиквариата, Королевского голландского общества естественных и гуманитарных наук в Харлеме, Общества свободных искусств в Лейпциге, Исторического института в Геттингене и Общества пчеловодства в Оберлаузице, родился в вольном имперском городе Меммингене, в Швабии 10 мая 1709 г.

Его отец был членом Большого совета этого города, а его предки с древних времен занимали видные должности, как гражданские, так и церковные, в Базеле, Меммингене и Аугсбурге.

Молодой Штелин посещал сначала лицей родного города, а в 1728 г. отец отправил его в гимназию в Циттау, где он почти три года старательно изучал языки, изящную словесность и искусства; именно здесь он освоил искусство фейерверков, благодаря одному итальянцу, который тогда проживал там и блистал в этом искусстве⁴³. Покидая это учебное заведение в 1731 г., он издал там и защитил на публике свою диссертацию “De indole hominis et optimi principis, exemplo Traiani demonstrata”⁴⁴. Он объехал затем основные города Германии и посетил знаменитых художников, ученых и библиотеки. Он остановился в Дрездене, где нашел возможность удовлетворить свою склонность к искусствам. Оттуда он отправился в Лейпцигский университет, где провел почти три года. Здесь он совершенствовался не только в любимых занятиях: в поэзии, мифологии, нумизматике и в изучении древностей, но и почерпнул еще всесторонний интерес ко всем наукам, вызывая тем самым всеобщую любовь в обществе. В последний год своего пребывания в Лейпциге он опубликовал немецкий стихотворный перевод Сафо⁴⁵, тем же размером, что и греческий оригинал, напечатанный параллельно, а также другие переводы итальянских и французских сочинений, которые тогда пользовались успехом. Наконец, во время празднеств, которые сопровождали восшествие на трон польского короля Августа III⁴⁶, он был увлечен изобретением многих аллегорических картин для торжественных иллюминаций, которые вызвали одобрение публики и восхищение знатоков.

Господин барон фон Корф⁴⁷, действительный камергер Ее Величества Императрицы Российской Анны Иоанновны, бывший в то время президентом Петербургской академии наук, узнав о талантах молодого господина фон Штелина, задумал

⁴³ Видимо, речь идет об Иоганне Даниэле Монталегре (1689–1768), под руководством которого Штелин изучал искусство фейерверков.

⁴⁴ Диссертация Штелина “De indole hominis et optimi principis, exemplo Traiani demonstrata” — «О природном даровании человека и наилучшего правителя: на примере [императора] Траяна».

⁴⁵ Сафо (Сапфо; ок. 630 — ок. 570 до н. э.), древнегреческая поэтесса.

⁴⁶ Август III (1696–1763), король Польши, а также курфюрст Саксонии.

⁴⁷ Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), дипломат, президент Петербургской академии наук в 1734–1740 гг.

привлечь его на службу в Академию; он чувствовал в этом тем большую необходимость, что именно в Академию двор всегда обращался за аллегорическими картинами в иллюминациях и больших фейерверках, которые тогда устраивались очень часто, и что в Академии тогда не было никого, кто достаточно увлекался бы этим занятием.

Господин фон Штелин вследствие этого, еще будучи в Лейпциге, получил назначение на пост адъюнкта Академии по истории на пять лет, но отклонил это первое назначение, ссылаясь на то, что ангажемент на столько лет казался ему, в его возрасте, слишком изнурительным, особенно из-за того, что эти годы нужно было провести в столь холодном климате, как петербургский. Он покинул при этом Лейпцигский университет в январе 1735 г. и отправился в Дрезден, где должен был поступить в качестве секретаря к генералу барону Левендалю⁴⁸, а затем сопровождать его старшего сына в путешествиях, что ему казалось более приятной возможностью и для его возраста, и для его интересов. Но в то время как он находился в ожидании прибытия генерала, которого дела заставили остановиться в Польше, он получил от барона фон Корфа второе предложение, предоставлявшее ему право покинуть службу в любое время, испросив разрешение шестью месяцами раньше. Такая свобода действий склонила чашу весов, и господин фон Штелин вернулся в конце апреля в Лейпциг, чтобы там присоединиться к профессору Лоттеру⁴⁹, также нанятому в Академию; так, они уехали вместе и, проведя несколько недель в Виттенберге, Берлине и Гамбурге, сели на корабль в Любеке и прибыли в Петербург 25 июня. Господин фон Штелин сейчас же отправился в Петергоф к господину барону фон Корфу, который оказал ему наилучший прием и представил его ко двору в тот же самый день.

Его первой обязанностью в Академии было составление немецкой газеты, или, скорее, написание ее целиком⁵⁰. Затем он представил ряд статей для исторических «Примечаний»⁵¹, которые тогда публиковались вместе с газетами, а по приказанию Президента он делал немецкие выдержки из итальянских *intermezzos* и комедий, игравшихся два раза в неделю, чтобы раздавать их при дворе до представления. Он также сочинил для собственных праздников императрицы и по поводу различных общественных торжеств многие оды и стихи на случай, которые завоевали ему благосклонность двора. Он предоставил артиллеристам проекты и эскизы аллегорических картин для фейерверков и иллюминаций; наконец, он создал рисунки и составил надписи к различным медалям, которые чеканились в память о выдающихся временах.

14 октября 1737 г. господин фон Штелин стал ординарным академиком и был назначен профессором красноречия и поэзии, по-прежнему при условии, что сможет покинуть службу, как только у него возникнет желание, лишь известив об этом за шесть месяцев. В новом качестве он прочитал публичную лекцию по естествен-

⁴⁸ Вольдемар фон Левендаль (1700–1756), саксонский граф, генерал-лейтенант на русской службе, военный губернатор Эстляндии.

⁴⁹ Иоанн Георг Лоттер (1702–1737), историк; прибыл в Петербург вместе со Штелиным в июне 1735 г., принят на должность профессора красноречия и греко-римских древностей, умер менее чем через два года после прибытия.

⁵⁰ Речь идет о «Санкт-Петербургских ведомостях», издаваемых в Академии не только на русском, но и на немецком языке.

⁵¹ «Примечания к Ведомостям» издавались как приложение к газете «Санкт-Петербургские ведомости».

ному праву и этике и другую о логике Вольфа⁵². В этом же году господин фон Корф поручил ему руководство Гравировальной палатой и «Примечаниями», которые Академия продолжала публиковать вместе с газетой.

Когда в октябре 1740 г. скончалась императрица Анна, господин фон Штелин был привлечен в Печальную комиссию — он предложил идеи для аллегорических украшений траурных покоев, катафалка и эпитафии в церкви Св. Петра и Павла в [Петропавловской] крепости; также он проводил инспекцию строительства различных памятников. Затем он составил их описание, которое включил в «Примечания» к газете 1741 г.⁵³

Господину фон Штелину было поручено под руководством тайного советника господина фон Беверна⁵⁴ переделать немецкую грамматику, которую Академия постановила напечатать для своих учеников и дополнить ее словоударениями⁵⁵. Он подготовил также проекты и эскизы картушей для российского картографического атласа, который Академия опубликовала в том году⁵⁶, и имел честь представить Ее Величеству императрице Елизавете, к празднику ее дня рождения, оду, посвященную ее восшествию на престол, которую он сочинил от имени Академии⁵⁷.

Когда двор отправился в Москву на коронацию Ее Величества Императрицы, господин фон Штелин получил приказ следовать за двором, чтобы составить проекты множества праздников, которые устраивались там по этому случаю, и руководить ими; именно тогда он впервые предложил проекты фейерверков огромной величины⁵⁸. После завершения этих праздников Императрица назначила его воспи-

⁵² Христиан фон Вольф (1679–1754), немецкий ученый, энциклопедист, учитель М.В. Ломоносова.

⁵³ Штелин Я.Я. Краткое описание печальной парадной залы, в которой тело императрицы Анны Иоанновны в открытом гробе поставлено... // Примечания к Ведомостям. 1741. Ч. 18–23. С. 69–92.

⁵⁴ Видимо, речь идет о Карле фон Бреверне (1700–1744), тайном советнике, дипломате, в 1740–1741 гг. президенте Петербургской академии наук. В оригинале, написанном на французском языке, скорее всего была пропущена одна буква. Напечатано: *Bevern*, а должно быть: *Brevern*.

⁵⁵ Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов; а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии и вновь пересмотренная и исправленная. СПб.: Тип. ИАН, 1745. Первое издание «Немецкой грамматики», составленной Мартином Шванвицем, вышло в 1730 г. Издание, о котором идет речь, было переработано, исправлено и дополнено Я. Штелиным.

⁵⁶ Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сая империи, старанием и трудами Императорской академии наук. СПб.: Тип. ИАН, 1745.

⁵⁷ Штелин Я. Всеподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол... имп. Елисаветы Петровны... в торжественный праздник и высокий день рождения ея величества декабря 18 1741. Всеподданнейше представлено от Имп. Академии наук. СПб.: При ИАН, [1741]. Напечатано на немецком и русском языках в переводе М.В. Ломоносова. Также — в «Примечаниях к Ведомостям» (1741. Ч. 98–102. 8 декабря. С. 403–408).

⁵⁸ Штелин Я. Изображение и изъяснение фейэрверка и иллюминации которые апреля 25 дня 1742 году по благополучно совершившемся высоком помазании и короновании... государыни Елисаветы Петровны... при прочих публичных увеселениях пред домом ея имп. ве-

тателем Великого князя Петра Федоровича⁵⁹; должность эту он исполнял в течение трех лет, по истечении которых был удостоен чином надворного советника и ему было определено жалованье в тысячу руб. годовых⁶⁰.

По возвращении в Петербург ему было поручено изобретать аллегорические картины для фейерверков и иллюминаций, устроенных по поводу мира, заключенного со Швецией. По этому случаю он изобрел и ввел в фейерверки движущиеся фигуры, которые были очень хорошо встречены при дворе и затем все больше и больше совершенствовались⁶¹.

В 1745 г., при обновлении Академии, когда господин граф Кирилл Разумовский⁶² был назначен Президентом, он поручил господину фон Штелину руководство Художественным департаментом, который наш академик еще больше увеличил и где он подготовил многих искусных учеников. В 1748 г. ему удается создать при Академии наук Академию художеств⁶³, где граверы, архитекторы, лепщики, скульпторы и другие артисты, причисленные к Академии, должны были упражняться два раза в неделю, выполняя рисунки с натуры. Именно этому заведению Академия обязана

величества в Москве зажжены были. [СПб.]: При ИАН, [1742]. Текст напечатан на русском и немецком языках. Я.Я. Штелин руководил в Москве проектированием и организацией коронационных празднеств. Описание фейерверка было напечатано также в «Примечаниях к Ведомостям» (1742. Ч. 47 и 48. 10 июня. С. 185–192).

⁵⁹ Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих Голштейн-Готторпский, 1728–1762), внук Петра I, российский император, правил страной 186 дней (с 25 декабря 1761 (5 января 1762) по 28 июня (9 июля) 1762 г.).

⁶⁰ В 1742 г. Штелин был назначен на должность учителя к наследнику российского престола Петру Федоровичу (будущему Петру III). После свадьбы князя в 1745 г. Штелин был освобожден от должности учителя и назначен личным библиотекарем Петра Федоровича.

⁶¹ Изображение фейерверка и иллюминации, состоявшихся в Москве во время празднования мира «со шведскою короною», заключенного в 1743 г. после трех лет войны со Швецией, попытавшейся взять реваншем возвращенные Петром I в ходе Северной войны территории. См.: *Штелин Я.Я.* Краткое описание великаго фейэрверка которой по всевысочайшему указу ея величества... Елисаветы Петровны... в мирное торжество в Москве пред домом ея имп. величества представлен был дня, 1744 г. СПб.: ИАН, [1744]. Заглавие и текст на русском и немецком языках.

⁶² Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803), граф, государственный деятель, последний гетман Малороссии с 1750 г., президент Академии наук с 21 мая 1746 г. по 1798 г.

⁶³ По Регламенту Петербургской академии наук 1747 г., художественный комплекс Академии стал именоваться Академией художеств. Для управления Академией художеств в мае 1748 г. было создано Совещание по делам художественным, или Собрание Академии художеств, которое фактически возглавил профессор Я. Штелин. 12 апреля 1757 г. Я. Штелин был назначен «директором художеств» при Академии наук. В распоряжении президента Академии К.Г. Разумовского указано: «...надворному советнику и профессору Штелину, не оставляя прежних на него положенных при Академии дел, быть директором всех при Академии художеств, так как человеку довольно искусному и довольно разумеющему все художества, управляющимся при Академии» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 468. Л. 147–148; Гравировальная палата Академии наук в XVIII в. / Сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.А. Пятницкий. Л.: Наука, 1985. С. 123–124). В ноябре 1757 г. И.И. Шувалов основал Академию трех знатнейших художеств, которая благодаря своему учредителю вскоре оказалась под покровительством двора и лично императрицы Елисаветы Петровны. Вскоре часть лучших учеников Академии художеств при Академии наук были переведены в новую Академию.

тем, что имеет многих хороших граверов, из произведений которых еще сохраняются как планы и виды Санкт Петербурга, так и множество других эстампов и гравюр на меди, которые еще сегодня продаются в академической книжной лавке.

Когда Библиотека и Палата редкостей (Кунсткамера) были разрушены пожаром 1747 г.⁶⁴, господину фон Штелину, по указу, было поручено перестроить это здание, и он завершил все за три года к большому удовлетворению Президента, который велел повысить ему жалование на 200 руб. годовых.

В 1757 г. господин фон Штелин был назначен членом академической Канцелярии и директором Художественного департамента, затем цензором сочинений на иностранных языках и относящихся к изящной словесности, истории и искусствам.

Наш академик, кроме того, был определен в императорскую Монетную канцелярию, с правом голоса и участия в заседаниях, чтобы руководить там медальерами и учениками в их работах и предоставлять проекты реверсов для новых медалей, которые императрица велела чеканить; эта должность принесла ему выплату в 600 руб. годовых. Обязанности, относящиеся к медалям, и те, что он имел в Академической канцелярии, занимали его непрерывно до 1762 г., когда, после кончины славной памяти императрицы Елизаветы, он был сначала привлечен в Печальную комиссию и занят созданием проектов и рисунков для украшения траурного зала, катафалка для церкви в крепости и эпитафии. Едва он освободился от этой должности, как был отправлен по приказу Ее Императорского Величества, ныне правящей Императрицы в Москву, где был занят в комиссии по подготовке коронации и где представил не только проект большого фейерверка с движущимися фигурами, проект множества иллюминаций и всех аллегорических украшений императорского дворца, но также занимался их устройством, руководя работами художников в мастерских⁶⁵.

В 1763 г. господин фон Штелин был назначен статским советником. В 1765 г. он получил звание и обязанности неперменного секретаря Академии, приняв на себя ведение архива и возобновляя иностранную корреспонденцию; в следующем году Ее Величество Императрица назначила его членом академической комиссии⁶⁶,

⁶⁴ Пожар в Академии наук произошел 5 декабря 1747 г. Деревянная башня, в которой находилась обсерватория с инструментами, выгорела полностью. От Готторпского глобуса остался лишь металлический остов и дверца, да и той повезло лишь потому, что в момент пожара она хранилась отдельно. Галерея со шкафами с этнографическими коллекциями сильно пострадала, и многие привезенные из экспедиций предметы одежды, быта, верований народов Сибири, а также китайские вещи были уничтожены огнем. По последующим подсчетам, только книг сгорело 230 экземпляров, в том числе уникальные рукописи.

⁶⁵ *Штелин Я.* Описание аллегорического изображения в заключении великолепных торжеств при совершении коронации е. в. Екатерины Вторья... великим фейерверком представленного, в императорской резиденции в Москве против Кремля, сентября 1762 года. Moskau, gedr. bey der Kaiserl. Univ., [1762]. Заглавие и текст на русском и немецком языках.

⁶⁶ Для улучшения дел в Академии указом Екатерины II от 30 октября 1766 г. была упразднена существовавшая более четырех десятилетий академическая Канцелярия, а вместо нее учреждалась специальная Комиссия для управления научными и организационными делами. В ее состав вошли академики И.Г. Леман, С.К. Котельников, С.Я. Румовский, Я.Я. Штелин, отец и сын Эйлеры.

установленной при господине графе Орлове⁶⁷, которому Ее Величество доверила руководство Академией наук.

В тот же год он был избран, большинством голосов, депутатом от Академии наук в Законодательную комиссию⁶⁸, которая была учреждена в Москве во время пребывания двора в этой столице; но он отклонил эту почесть и предложил вместо себя господина коллежского советника Миллера, на что Академия согласилась.

В 1769 г. господин фон Штелин отказался от места неперемennого секретаря Академической конференции и передал его вместе с архивом господину профессору Эйлеру-сыну, которого граф Орлов наделил этими полномочиями. Благодаря этому, оказавшись менее занятым, чем прежде, он употребил свой досуг, который оставался после исполнения других обязанностей, для завершения истории государства и прогресса художеств в России — труда под заглавием “*Nachrichten von den schönen Künsten in Rusland*”⁶⁹, — написание которого он откладывал уже с давних времен и первую часть которого, включающую театр, балет и танцы, он издал в этом же году в 1-м томе “*Der Beylage zum neuver änderten Russland*” Господина Шлецера⁷⁰. Вторая часть, где рассказывается о музыке в России, была позднее включена во второй том того же сочинения. Затем он занялся редактированием анекдотов о Петре Великом⁷¹, собранных им на протяжении более чем тридцати лет по изустным рассказам людей, которые жили во времена этого воссоздателя России, а в конце 1774 г. завершил проекты для серии реверсов 125 медалей о жизни и деяниях Петра Великого⁷². Это сочинение, украшенное прекрасными рисунками, было преподнесено Ее Величеству Императрице и осталось в рукописи⁷³.

При производстве в чины, которое имело место по случаю празднования мира, заключенного в 1775 г. с Оттоманской Портой, господин фон Штелин получил ранг действительного статского советника.

Затем он принял большое участие в праздновании юбилея, или пятидесятой годовщины, основания Академии наук: он не только составил проекты украшений

⁶⁷ Владимир Григорьевич Орлов (1743—1831), граф (1762), камергер, директор Академии наук с 1766 по 1774 г., брат А.Г. и Г.Г. Орловых.

⁶⁸ Уложенная, или Законодательная, комиссия 1767 г. была создана для выработки новых законов вместо устаревшего Соборного уложения 1648 г. 19 февраля 1767 г. состоялись выборы депутата в Уложенную комиссию от Академии наук. Большинство голосов (7) получил академик Г.Ф. Миллер. Это произошло потому, что Я. Штелин, располагая двумя голосами, отдал их Миллеру, хотя мог использовать в поддержку своей кандидатуры.

⁶⁹ Перевод на русский язык см.: *Малиновский К.В.* Записки Якоба Штелина: В 3 т. СПб.: Крига, 2012.

⁷⁰ Август Людвиг Шлёцер (1735—1809), историк, публицист, в 1765—1767 гг. академик Петербургской академии наук.

⁷¹ Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом, изображающия истинное свойство сего премудрого Государа и отца отечества, собранныя в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб.: Тип. Б.Л. Гека, 1786. 412 с.

⁷² Возможно, речь идет о рукописи «История Петра Великого в медалях, сочиненных Штелиным» (СПбФ АРАН. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4. 78 л.).

⁷³ Сноска автора некролога: «Сочинение вышло только после его смерти; госпожа вдовствующая статская советница фон Штелин преподнесла его экземпляр Академии, так же как и копию последнего сочинения, оставшегося в рукописи».

академического здания и особенно зала заседаний для этого торжественного дня, но и сам руководил их осуществлением.

Когда госпожа княгиня Дашкова унаследовала в 1783 г. руководство Академией и академическая комиссия была упразднена, господин фон Штелин оказался еще более свободным от дел и снова взял на себя руководство газетой, что было его первым занятием по прибытии в Россию.

Вольное экономическое общество, которое приняло его в число своих членов на втором году после своего основания в 1766 г., спустя некоторое время возложило на него должность секретаря по иностранной корреспонденции, которую незадолго до того сложил с себя покойный надворный советник Леман⁷⁴. Господин фон Штелин исполнял ее до конца своих дней с пылкостью и рвением, которые воодушевляли все его дела, и, кроме того, он предоставил различные статьи для периодического издания этого Общества, под заглавием «Труды Вольного экономического общества».

В 1784 и 1785 гг. наш академик продолжил, как он и делал до тех пор, предоставлять проекты и эскизы типографских украшений как для книг, публиковавшихся Академией, так и для реверсов новых медалей, которые Двор и Правительствующий Сенат приказывали чеканить в память о благотворных великих деяниях, присущих славному царствованию, в которое мы живем.

Господин фон Штелин имел ровный и веселый нрав, и его превосходные добродетели заставляли всех, кто его знал, любить его и ценить. Так, он был желанным гостем, и его очень хорошо принимали в любом обществе.

Он отличался здоровьем, которое казалось не подверженным старости и в чем его счастливый и ровный характер играл, безусловно, наибольшую роль. Лишь весной 1785 г. его здоровье было резко подорвано и ухудшалось все больше и больше. Господин фон Штелин значительно ослаб, и его болезнь в конце концов проявилась как водянка в груди (*hydropisie de poitrine*). Между тем он сохранил до последнего дыхания героическое терпение и поистине христианское смирение. Он скончался очень тихо 25 июня 1785 г. на 77-м году жизни, прослужив Российской империи, а также Императорской Академии наук целых 30⁷⁵ лет.

Господин фон Штелин женился в 1742 г. на Елизавете Рейхмут, дочери Иоганна Рейхмута, первого проповедника и пастора лютеранской церкви в Москве; от этого брака остались трое детей: сын, Петр фон Штелин, советник посольства, проявивший себя в ученом мире как переводчик «Краткого летописца российских монархов» господина Ломоносова на немецкий язык⁷⁶, и две дочери, которых отец с удовлетворением выдал замуж еще при своей жизни.

Кроме сочинений покойного академика, о которых мы говорили в этом кратком очерке его жизни, укажем следующие:

Lobrede auf Johann Hammel, Kaiser Karl V. Hofmathematicus. Memmingen, 1728.

Prologo, la Russia afflitta e riconsolata, imprimé et représenté à Moscou en 1742, pour la fête du couronnement de l'Impératrice Elisabeth.

⁷⁴ Иоганн Готтлиб Леман (1700–1767), химик, горный советник, академик Петербургской академии наук.

⁷⁵ При печати текста была допущена опечатка. Штелин прослужил в Академии 50 лет.

⁷⁶ В 1765 г. находясь на дипломатической службе за границей, Петр Штелин издал «Краткий летописец» в Копенгагене (вторично — в 1771 г. в Лейпциге).

Kurze geographische Beschreibung des Fürstenthums Moldau, und der zwischen dem schwartzen Meere und der kaspischen See gelegner Länder und Völker, 1770. Von Tschirkassien oder den Kabardinischen Landen 1772. Inseré dans le magazin géographique de M. Le D. Büsching.

Kurtze Nachricht von dem neulich entdeckten Nord-Archipelagus 1774.

Перевод выполнен по:

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.

Tomus III. Petropoli, 1788. P. 12–24.

Источники

Борн И.М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1803. Кн. 2. С. 136.

Карамзин Н.М. О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 3. С. 227–228; Ч. 9. № 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000. 998 с.

М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников: сборник / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 232 с.

Похвальные слова Фонтенеля см. на сайте Французской академии. Режим доступа: https://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/Font_elohe.htm (дата обращения: 19.01.2026).

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 2. СПб.: ИАН, 1899. 886 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 4. СПб.: ИАН, 1911. 1186 с.

Смагина Г.И., Сомов В.А. «Примите, дорогой друг, мою искреннюю благодарность»: Письма Николая Габриэля Леклерка из личного архива Якоба Штелина. 1765–1775 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 181–189.

Фус Н. Похвальная речь покойному Леонарду Эйлеру // Академические сочинения. 1801. Ч. 1. С. 97–167. Перепечатано в: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 353–382.

Fus N. Éloge de monsieur Léonard Euler, lu a l'Académie Impériale des sciences, dans son assemblé du 23 octobre 1783. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1783. 127 p.

Fuss N. Éloge de monsieur Léonard Euler // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 159–213.

[*Jean le Rond d'Alembert*] // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus I. Petropoli, 1787. P. 217–218.

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. 418 p.

Литература

Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.

Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий (середина XVII — середина XVIII в.). Л.: Наука, 1974. 265 с.

Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.

Онишко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского ун-та. 2018. № 1. С. 83–87.

Пекарский П.И. О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Ле-Клерком // Записки Императорской Академии наук. Т. 10. СПб.: Тип. ИАН, 1867. С. 178–181.

Петровская И.Ф. Некрологи в русской печати XIX — начала XX в. // Русская литература. 1982. № 3. С. 223–226.

Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 195–202.

Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: очерки о жизни и деятельности княгини Е.Р. Дашковой. СПб.: Росток, 2006. 360 с.

Сомов В.А. Н.Г. Леклерк о М.В. Ломоносове // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Сб. 8 / Отв. ред. Э.П. Карпеев. М.; Л.: Наука, 1983. С. 97–105.

Суворов О.В. Кондорсе // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 285–286.

Чернов С.Н. Леонард Эйлер и Академия наук // Леонард Эйлер (1707–1783): сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти / Ред.-изд. А.М. Деборин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 163–238. (Труды Института истории науки и техники. Сер. II. Вып. 1.)

Harnack A. Geschichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 3. Berlin: Reichsdruckerei, 1900. 588 S.

“Gone Is the Man, Whose Name Designates an Epoch in the Annals of Human Reason”: Preserving the Memory of Deceased Scholars at the St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII Century

GALINA I. SMAGINA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

This article explores the institutionalization of memory of deceased scholars at the St. Petersburg Academy of Sciences throughout the XVIII century. The author pays special attention to several pivotal episodes: the first attempt to honour the memory of M.V. Lomonosov in 1765 (N.G. Leclercq’s address with the participation of Ya.Ya. von Stehlin) and the exemplary commemoration of L. Euler in 1783–1785 (N.I. Fus’s eulogy, the publication of writings, and the unveiling of a bust). The author argues that the genre of “academic obituary” arose in Russia as early as the 1780s, in the “Morts” section of the “Nova Acta” periodical; I.A. Euler, a conference secretary, developed a specific pattern for the texts of this genre, published in this bulletin. The appendix contains obituaries dedicated to the memory of academicians G.F. Miller and Ya.Ya. von Stehlin.

Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, historical memory, eulogy, obituary, M.V. Lomonosov, L. Euler, E.R. Dashkova, Ya.Ya. Stehlin, XVIII century science.

References

Chernov, S.N. (1935). Leonard Eyler i Akademiya nauk [Leonhard Euler and the Academy of Sciences], in A.M. Deborin (Ed.), *Leonard Eyler (1707–1783): sbornik statey i materialov k 150-letiyu so dnya smerti* [Leonhard Euler (1707–1783): a collection of articles and materials on the 150th anniversary of his death] (pp. 163–238), Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Harnack, A. (1900). *Geschichte der koniglich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, Bd. 3, Berlin: Reichsdruckerei (in German).

Kopelevich, Yu.Kh. (1974). *Vozniknoveniye nauchnykh akademiyy (seredina XVII — seredina XVIII v.)* [The appearance of scientific academies (the middle of XVII — the middle of XVIII century)], Leningrad: Nauka (in Russian).

Kalugin, D.Ya. (2015). *Proza zhizni: russkiye biografii v XVIII–XIX vv.* [The prose of life: Russian biographies in XVIII–XIX centuries], S.-Peterburg: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Mezin, S.A. (2015). *Petr I vo Frantsii* [Peter the First in France], S.-Peterburg: Yevropeyskiy Dom (in Russian).

Onipko, K.A. (2018). Pervyye russkiye nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian necrologies: heroes and contexts], *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo un-ta*, no. 1, 83–87 (in Russian).

Pekarskiy, P.I. (1867). O rechi v pamyat' Lomonosova, proiznesennoy v Akademii nauk doktorom Le-Klerkom [About a speech in memory of M.V. Lomonosov by Dr. Le-Clerk in the Academy of Sciences], *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*, vol. 10 (pp. 178–181), S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Petrovskaya, I.F. (1982). Nekrologi v russkoy pechati XIX — nachala XX v. [Necrologies in the Russian press in XIX and the beginning of XX century], *Russkaya literatura*, no. 3, 223–226 (in Russian).

Reytblat, A.I. (2014). *Pisat' poperek: Stat'yi po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [To write across: Papers on biographica, sociology and the history of literature] (pp. 195–202), Moskva: NLO (in Russian).

Smagina, G.I. (2006). *Spodvizhnitsa Velikoy Yekateriny: ocherki o zhizni i deyatel'nosti knyagini Ye.R. Dashkovoy* [The associate of Catherine the Great: Essays on the life and activities of a princess E.R. Dashkova], S.-Peterburg: Rostok (in Russian).

Somov, V.A. (1983). N.G. Leklerk o M.V. Lomonosove [N.G. Leclerc about M.V. Lomonosov], in E.P. Karpeev (Ed.), *Lomonosov: Sbornik statey i materialov. Sb. 8* [Lomonosov: A collection of articles and materials, no. 8] (pp. 97–105), Moskva; Leningrad: Nauka (in Russian).

Suvorov, O.V. (2001). Kondorse [Condorcet], in V.S. Stepin (Chief of scientific redaction), *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [The new philosophical encyclopedia: in 4 vols.], vol. 2 (pp. 285–286), Moskva: Mysl' (in Russian).